

«Уинстон Черчилль — писатель, политик, оратор»

*С. Бунтман*¹: Ну что же, мы продолжаем программу «Не так!» и после «Маленьких трагедий великих потрясений» мы сегодня будем говорить об Уинстоне Черчилле. Я сразу задам вопрос, и вы выиграете — у нас два будет таких лота, на две книжки. Ну, вот здесь вот тексты Черчилля вы сегодня и получите, если ответите на очень странный вопрос, который, сразу скажу, что...
Олег, добрый день!

*О. Будницкий*²: Здравствуйте!

С. Бунтман: Сразу скажу, что это Олег Будницкий выдумал этот вопрос.

О. Будницкий: Да.

С. Бунтман: Вот Нобелевскую премию по литературе Черчилль получил не за художественные произведения.

О. Будницкий: Ну, безусловно.

С. Бунтман: За художественные он вряд ли бы получил. А вот как называется роман, который написал Черчилль?

О. Будницкий: Да, единственный роман, который написал Черчилль. К счастью.

С. Бунтман: (усмехается) Да. Вот, я думаю. Хотя он был человек, как говорят, вот, в просторечии, писучий. Он много писал.

О. Будницкий: Еще как. Еще как.

С. Бунтман: Безумно много писал, он все время писал, диктовал и т. д.

О. Будницкий: Да, и его обычно исторические произведения в нескольких томах выходили.

С. Бунтман: Да, да. Когда он это все успел?

О. Будницкий: И чем старше он становился, тем большее количество томов было в его этих самых исторических трудах.

С. Бунтман: Да, да. Так что присылайте нам варианты. А мы пока займемся Уинстоном Черчиллем как таковым. В двух частях у нас будет программа, будет две программы. В нашем эфире неоднократно говорили об Уинстоне Черчилле и с разными историками, с разными исследователями. Я напому вам, что у нас была большая программа, когда-то была, с Анатолием Уткиным мы делали. Давайте все равно вспомним о Черчилле, потому что фигура... ну, я не знаю, вы можете меня расстрелять, дорогие друзья, но Черчилль — моя любимая фигура XX века.

О. Будницкий: Да, это вот редкий случай, когда у нас полностью совпали точки зрения и пристрастия.

С. Бунтман: Да. Да. Любимей, чем де Голль, между прочим, даже. Даже любимее.

О. Будницкий: Ну, Черчилль-то покруче был все-таки.

С. Бунтман: Да. Ну, вот я так как с детства все французские де Голли, и мое детство — это де Голль, но в детстве у меня еще и марка была, большая, черная марка. Вот, это на смерть Черчилля. Вот, тогда. И она у меня до сих пор хранится, эта большая марка.

О. Будницкий: Да.

С. Бунтман: И впервые был человек... изображение... был портрет — не портретик королевы, там, или профиль, или что-нибудь, силуэт, а вот портрет, большой портрет человека. Вот это на смерть Уинстона Черчилля. Ну что ж, мы давайте мы начнем.

О. Будницкий: Так. Черчилль. Почему, вообще, мы назвали эту программу «Писатель, политик, оратор» и почему писатель. Ну, все-таки Черчилль — нобелевский лауреат по литературе. Как мы только что сказали, это не за художественные произведения, а за исторические труды, которые были написаны блестящим литературным языком. И поводом, собственно говоря, к присуждению Черчиллю Нобелевской премии по литературе в 1953 году послужил выход его шеститомной «Второй мировой войны». Это такая смесь мемуаров, исследований, комментариев, и в общем, замечательная, блестящая совершенно книга.

С. Бунтман: А по языку-то она великолепная просто.

О. Будницкий: Да. Ну, Черчилль вообще писал очень здорово. Немножко, может быть, напыщенно с современной точки зрения, но...

С. Бунтман: Ну, так скажем, старомодно.

О. Будницкий: Ну да, старомодно, это, наверное, точнее. Напыщенно — может быть, не совсем верно. Но в случае с Черчиллем, что любопытно, что вот, его эти старомодные тяжеловесные иногда фразы, иногда кажущиеся высокопарными, они ведь полностью отражали его мироощущение и его поведение, стиль его поведения. Черчилль говорил величественно, но и поступки его были таковыми же. У Черчилля совершенно необыкновенная биография. Обычно у нас Уинстона Черчилля, его жизнедеятельность привязывают к двум событиям — это, собственно, ко Второй мировой войне, прежде всего. И это справедливо, это, конечно, звездный час Черчилля, и если бы не Вторая мировая война, Черчилль был бы одним из заметных, крупных, выдающихся и т. д., но не великих деятелей. Вторая мировая война и его роль в борьбе с нацизмом сделали его великим государственным деятелем не только великой Британии, но и XX столетия. Я думаю, что как политик Черчилль, наверное, самая крупная фигура XX столетия. В плане личной одаренности, разносторонности, я думаю, что он просто не имеет никаких конкурентов.

С. Бунтман: Невероятная интуиция, помноженная на настойчивость и знания.

О. Будницкий: Да, безусловно. И колоссальная эрудиция, несмотря на то, что Черчилль закончил всего-навсего 18-месячное военное кавалерийское училище. Да и в это училище поступил с третьего раза, вообще. Т.е. дважды пытался поступить в пехотное училище, что было существенно дешевле — не нужно было лошадь содержать — но провалился, и в итоге поступил в кавалерийское, в Санхерст, и вышел оттуда гусаром, поступил в гусарский полк. Так что он еще успел побывать гусаром, успел побывать на самых разных войнах — от войны на Кубе испанцев против кубинских повстанцев, там, участвовал в Англо-бурской войне, но это сегодня я об этом отдельно скажу, потому что это совершенно потрясающий эпизод, сделавший его знаменитым, собственно говоря. И т. д., и т. п. Но у нас, опять-таки, связывают Черчилля с Второй мировой войной совершенно справедливо, и с Холодной войной.

С. Бунтман: Тогда три. А как же Гражданская война и интервенция?

О. Будницкий: Ну, да, пожалуй, но все-таки вот эти два преобладают, судя по тем вопросам, которые поступают. Это обычно Вторая мировая война, причем почему-то людей особенно интересует, как Черчилль оценивал Сталина, и правда ли он называл его великим человеком. Т.е. если бы Черчилль как-то Сталина не называл, то кто такой Сталин, вы бы никак не знали.

С. Бунтман: Ну конечно...

О. Будницкий: Плохой он или хороший. И Фултонская речь. Фултонская речь, которую считают — почему-то, я бы так сказал — объявлением, провозглашением Холодной войны. Хотя Холодная война началась не потому, что кто-то сказал какие-то слова. И прежде чем пойти, так сказать, по биографии Черчилля в хронологическом порядке и выделить некоторые моменты, которые, наверняка, слушателям неизвестны — я говорю «наверняка», потому что подавляющее большинство понятия не имеет о жизни Черчилля, вот, до Второй мировой войны, за исключением, может быть, Гражданской войны в России, когда он оказывал активнейшее содействие армиям белых, и даже назвал однажды армию Деникина «моя армия», и не без некоторых оснований. Так вот все-таки для начала по Фултонской речи, чтобы с этим, как бы, покончить и разделаться. Все помнят его знаменитые слова о «железном занавесе». Но мало кто — у нас, во всяком случае — вспоминает о том исповедании веры, которое сформулировано Черчиллем в этой речи. Исповедание веры самого Черчилля как политика и исповедание веры, ну, так называемого западного мира или мира западной демократии. Я процитирую этот кусок. Черчилль говорил о той опасности — дальше я цитирую — «которая подстерегает семейные очаги простых людей, а именно, тирании. Мы не можем закрывать глаза на то, что свободы, которыми пользуются граждане во всей Британской Империи, не действуют в значительном числе стран. Некоторые из них весьма могущественны. В этих государствах власть навязывается простым людям всепроникающими полицейскими правительствами. Власть государства осуществляется без ограничения диктаторами либо тесно сплоченными олигархиями, которые властвуют с помощью привилегированной партии, политической полиции. В настоящее время, когда трудностей все еще так много» — это март 1946-го года.

С. Бунтман: Да.

О. Будницкий: «...в наши обязанности не может входить насильственное вмешательство во внутренние дела стран, с которыми мы не находимся в состоянии войны. Мы должны неустанно и бесстрашно провозглашать великие принципы свободы и прав человека. Они означают, что народ любой страны имеет право и должен быть в силах посредством конституционных действий, путем свободных нефальсифицированных выборов с тайным голосованием выбрать или изменить характер или форму правления, при котором он живет. Что господствовать должны свобода слова и печати. Что суды, независимые от исполнительной власти и неподверженные влиянию какой-либо партии, должны проводить в жизнь законы, которые получили одобрение значительного большинства населения, либо освещены временем или обычаями. Эти основополагающие права на свободу, которые должны знать в каждом доме». Вот.

С. Бунтман: Вот, да.

О. Будницкий: Исповедание веры Черчилля. Понятно, что товарищу Сталину, также как советским пропагандистам, в марте 1946-го года это могло понравиться в самой последней степени. Тем более, что потом Черчилль непосредственно говорил уже о Советской России, и отдав дань усилиям нашей страны в войне и подчеркнув, что у Великобритании имеется заключенный на 20 лет договор о сотрудничестве и взаимопомощи с Россией — и он был готов на этих условиях заключить его и на 50 лет. И в то же время заметил, что от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. И то, что коммунистический режим распространяет... пытается распространить свою власть и свою идеологию на значительную часть Европы, да и всего мира. И он говорил: «Я не верю, что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин». В данном случае речь, подчеркну, шла о коммунистической идеологии, которая известно, что принесла народам и Советского Союза, и Восточной Европы. И вот именно поэтому Черчилль и считал необходимым противостояние распространению этих доктрин, этой идеологии, этой власти, и поэтому он и призывал к сплоченности западного мира под эгидой ООН против вот этой самой диктатуры. В этом смысл, собственно говоря, Фултонской речи.

С. Бунтман: ООН, которое и организовали тогда, и обдумали с Рузвельтом в свое время. Объединенные нации, да.

О. Будницкий: Да, да, и в основании которого принимал участие Советский Союз...

С. Бунтман: Да, да, да.

О. Будницкий: Но не всегда был готов следовать принципам этой организации.

С. Бунтман: Вот. Называется, читайте военные мемуары. Ну, а после новостей я сразу скажу, кто у нас выиграл, ответы правильные есть, и мы продолжим программу «Не так!».

С. Бунтман: Продолжаем нашу программу, совместную с журналом «Знание — сила», Олег Будницкий, мы говорим о Уинстоне Черчилле. Роман, который написал Черчилль, называется «Саврола», разрази меня гром, если я знаю, о чем это. (смеются) Вот. Ну, и вряд ли, наверное, я буду его читать, чтобы не портить себе впечатление.

О. Будницкий: Хотя говорят, что Черчилль изобразил в главном герое самого себя.

С. Бунтман: Ну, лучше посмотреть замечательный художественный фильм о Черчилле — кстати, всем рекомендую. Мне Андрей Черкизов покойный... один из последних его подарков, кстати говоря, который он мне сделал, кассету с фильмом о Черчилле, вот я ее бережно храню, это великолепный фильм. Ну, тут началось. Ну, думаю, началось. Господин Шарутдинов считает, что ни Рузвельт, ни Черчилль, а Молотов... «еще», причем... мне очень нравится вот «еще в 43-м году разработал идею ООН и обсудил ее на Политбюро» (смеется) Идея ООН разрабатывалась, когда у нас было не объединенные нации, а объединение с нацией — вот примерно тогда уже идея объединенных наций, которые, по-моему, противостоят нацизму, тогда она разрабатывалась. Но это замечательное совершенно. Про то, что Черчилль — вот, с другой стороны — «А не санкционировал ли Черчилль массовую высылку...» — ну, вот то, что касается казаков и т. д. Черчилль не был уже премьер-министром, насколько я помню. Был уже Этли премьер-министром.

О. Будницкий: А... где-то там было на грани. Его в июле сменил Этли.

С. Бунтман: На грани. Да.

О. Будницкий: Ну, это, вообще, сложный вопрос, на самом деле.

С. Бунтман: Конечно.

О. Будницкий: Сейчас это все осуждают, но не будем забывать, что ведь эти люди сражались вместе с нацистами против англичан...

С. Бунтман: Да.

О. Будницкий:...и были, бесспорно, предателями. И они... это очень сложный вопрос, на самом деле.

С. Бунтман: Конечно. Это сложнейший вопрос.

О. Будницкий: Очень сложно ответить и не так просто, как кажется.

С. Бунтман: Он даже еще сложнее, чем, вот, отказ принять тогда Николая II, но там совершенно другие были мотивы и другое правительство было в то время. Так. Ну что же. Давайте приступим к Уинстону Черчиллю.

О. Будницкий: Да, все-таки давайте начнем от печки. Уинстон Черчилль, вообще, происходит по отцовской линии из рода герцогов Мальборо, но по счастливому случаю — как показала судьба — он не унаследовал титул, т. е. он мог избираться в палату общин и мог впоследствии стать министром и премьер-министром. Иначе бы он оказался в палате лордов и, соответственно, не мог бы стать тем, кем он стал. Кстати говоря, мало кому известно, что Черчилль наполовину американец — его мать американка... ну как американец — конечно, это все англо-саксы...

С. Бунтман: Ну да.

О. Будницкий: Но, как говорят и по обе стороны океана, что это один народ, разделенный общим языком. Да?

С. Бунтман: Ну да, да.

О. Будницкий: Потому что по выговору, конечно, американца и британца никогда не спутаешь между собой. Так вот, его мать была американкой — Дженни Джером, а отец был Рэндольфом Черчиллем и довольно известным политическим деятелем — он был и членом палаты, и министром даже некоторое время и, в общем-то, рано умер: ему не исполнилось еще и 50 лет. Что касается юного Уинстона, у которого были такие знаменитые предки... Кстати, родился он в знаменитом дворце Блейнхейм-палас — колоссальное такое сооружение недалеко от Вудстока, и родился преждевременно, он был еще семимесячный. И его называли часто молодым человеком, который очень торопится или очень спешит, в том числе, он поспешил и родиться. Его матушка, несмотря на всяческие предосторожности, поехала на бал,

и где-то там в раздевалке на груди пальто и прочих всяких шуб и родился Уинстон Черчилль в 1874 году. Ну, мальчик был такой, своеобразный, уже с детства проявился характер. Он занимался только тем, что ему нравилось. Вот, скажем, латынь и греческий никак ему не нравились, а играть в солдатики нравилось очень. И неудивительно, что он пытался поступить сначала в пехотное училище военное — дважды и дважды неудачно — и вот с третьего захода поступил в кавалерийское. Вышел, как мы уже сказали, гусаром. И он поучаствовал в нескольких военных кампаниях, но по большей части как военный корреспондент. Вообще-то, семья не была особенно состоятельной, и заработок журналистский был совсем не лишним. Впоследствии Черчилль как раз очень приличные деньги зарабатывал литературными трудами — сначала как журналист, а потом, вот, как историк. Как историк, и тут все-таки, раз уж я упомянул, что он историк, не могу не сказать, что, вот, из нашего цеха исторического, к сожалению, для историков нет Нобелевских премий. Поэтому два человека, которые получили Нобелевские премии, по существу, за исторические труды, получили их по литературе. Первым был Теодор Моммзен за «Историю Рима» — немецкий историк, — и вторым был Уинстон Черчилль. Но это было все потом. И вот, когда он отправился в качестве наблюдателя на войну испанцев против кубинский повстанцев — это было в 1895 году — он договорился с одной из газет, не очень известных лондонских, что он будет посылать корреспонденции. Вот, собственно говоря, его первая публикация — это пять корреспонденций с Кубы, вот, с театра этих действий этой самой Испано-кубинской войны. Впоследствии он со своим полком или с полками, в которых он служил, он воевал где-то и в Индии, после чего появилась его история о пограничной войне против племени патанов. Он воевал в Судане против повстанцев, вождя Махди. У нас всегда это изображалось так, что, вот, британские колониялисты, империалисты подавляли национально-освободительное движение. На самом деле, нередко это была попытка этих махдистов или еще кого-нибудь дезертировать куда-нибудь в средневековье, а то еще и подальше. Т.е. установить какой-то арабский клерикальный и жуткий совершенно режим. Это же было и в Судане, между прочим, что в Судане повторяется с поразительной периодичностью, да?

С. Бунтман: Да, да. И сейчас.

О. Будницкий: И вот там Черчилль лично участвовал в бою, в кавалерийских атаках, правда, он не рубил никого шашкой, а стрелял из маузера. И лично-таки застрелил нескольких дервишей, вроде бы. При этом он писал корреспонденции и был страшно возмущен, что британцы добивали раненых. Он написал об этом в газетах, и в газете это напечатали. Понятное дело, что вскоре после этого лейтенант Черчилль ушел в отставку. Самая, пожалуй, знаменитая война Уинстона Черчилля до Второй мировой — это даже не Первая мировая, это когда он был министром и первым лордом адмиралтейства и т. д. — это, конечно Англо-бурская, куда он отправился в качестве военного корреспондента, и где он угодил в плен. Хотя он... он там был на бронепоезде, между прочим — вот тогда уже эти монстры использовались. Вообще, в Англо-Бурской войне было испробовано очень много вот таких, новых технологий — пулеметы и, кстати говоря, защитная форма цвета хаки появилась у британской армии тогда.

С. Бунтман: Да. Смотрите, они в хаки. «Капитан Сорви-голова», мы все помним, Луи Буссенара, да.

О. Будницкий: Да, да. И опять-таки, немножко о наших взглядах на историю. Все мы читали в детстве, наверное, и «Питер Мариц, юный бур из Трансвааля», и «Капитан Сорви-голова» — я перечитывал несчетное количество раз эту книжку и всегда сочувствовал бурам. Но когда все-таки считаешь о некоторых реалиях, то эти ребята не всегда были такими симпатичными, прямо скажем. И, например, Черчиллю они говорили, когда он был у них в плену, что «Ну, вы хотите... вы хотите, чтобы кафры ходили по тротуарам» — примерно так. «Мы-то знаем, как с ними нужно обращаться». Т.е. с черными.

С. Бунтман: Ну да.

О. Будницкий: Это вот те самые люди, которые впоследствии создали вот эту расистскую Южно-Африканскую Республику, и с их точки зрения, британцы, которые стремились дать образование этим колониальным народам, и т. д., и т. п., и поставить их на путь цивилизации — ну, в британском понимании — это были люди, которые делали что-то неправильно. Ну, кроме того, эти самые буры боролись с капитализмом и т. д., и т. п. В общем, это сложная история, но не будем вдаваться.

С. Бунтман: Сложная, чрезвычайно популярная тогда.

О. Будницкий: Да, и очень интересная.

С. Бунтман: Левая общественность была на стороне, там, президента Крюгера, да, да, да...

О. Будницкий: Поголовно, весь мир, да. Это выглядело как вот такая гигантская британская злобная империя воюет с маленькими республикой. Что было правдой, с одной стороны...

С. Бунтман: Да.

О. Будницкий: Но с другой стороны, жители этих республик, которые подняли оружие против британцев, они были отнюдь не ангелами. И вот, Черчилль вместе с этим бронепоездом был захвачен, причем он говорит, что «я же военный корреспондент, я гражданское лицо». Но когда они узнали, что он Черчилль и сын лорда Черчилля, уже покойного, его, тем не менее, в общей группе отправили... ну, не в лагерь, а, скажем так, в помещение для военнопленных. И вот, я приведу...

С. Бунтман: Лагеря-то как раз англичане там устраивали.

О. Будницкий: Да, англичане устроили, да, да, чуть ли не впервые, да.

С. Бунтман: Да, да, да.

О. Будницкий: И вот, замечательный фрагмент из книги... Черчилль, конечно, написал об этом книгу, он был бы не Черчиллем. И вот его первая ночь в плену: «Я не мог спать. Все правды и неправды этого конфликта, перипетии и повороты войны лезли мне в голову. Что за люди эти буры? Я вспомнил, какими их увидел этим утром, когда ехал под дождем: тысяча независимых стрелков, которые думают сами за себя, имеют прекрасное оружие и умелых предводителей. Они передвигаются и живут без снабженцев, транспорта, колонн с амуницией, носятся как ветер, поддерживаемые железной конституцией — суровым твердым богом Ветхого завета, который наверняка сокрушит амалекитян, перебив им голени и бедра. А потом из-за шума дождя, громко барабанившего по кровельному железу, я услышал песнопения. Буры пели свои вечерние псалмы и их угрожающие звуки, наполненные больше войной и негодованием, чем любовью и состраданием, заставляли холодеть мое сердце, и я подумал, что, в конце концов, это несправедливая война. Что буры лучше нас, что Небо против нас, что Ледисмит, Мафекинг и Кимберли падут, что вмешаются иностранные державы, мы потеряем Южную Африку, и это станет началом конца. И только когда утреннее солнце, еще более яркое после грозы и еще более теплое после

озноба, показалось в окне, все вновь обрело свои истинные цвета и пропорции». Блестяще, правда?

С. Бунтман: Красиво пишет. Да.

О. Будницкий: Да. Вот, красиво, это молодой Черчилль — это ему 26 лет. 25 — где-то так, 25–26 лет — примерно в эти годы это было написано, опубликовано, когда ему было уже 26, во всяком случае. И вот, Черчилля держали, кстати говоря, в заключении в здании государственных образцовых школ, пленных британцев, и офицеров, и рядовых. Черчилля причислили к офицерам — ну, он был офицером, но в отставке. И он решил бежать. Решил бежать и, что любопытно, оставил письмо для государственного секретаря бурского. Прочитую: «Сэр, я имею честь сообщить вам, что поскольку я не признаю за вашим правительством какого-либо права удерживать меня как военнопленного, я принял решение бежать из-под стражи. Я твердо уверен в тех договоренностях, которых достиг с моими друзьями на воле — на самом деле, там никаких договоренностей особых не было, — и потому не могу ожидать, что мне представится возможность увидеть вас еще раз. Поэтому я пользуюсь случаем отметить, что нахожу ваше обращение с пленными корректным и гуманным, и у меня нет оснований жаловаться. Вернувшись в расположение британских войск, я сделаю публичное заявление на этот счет. Мне хочется лично поблагодарить вас за ваше доброе отношение ко мне и выразить надежду, что через некоторое время мы сможем вновь встретиться в Претории, но при иных обстоятельствах. Сожалею, что не могу попрощаться с вами с соблюдением всех формальностей или лично. Честь имею оставаться, сэр, вашим преданным слугой, Уинстон Черчилль».

С. Бунтман: Да...

О. Будницкий: Да. И Черчилль перелез через забор в соседний сад, где, как ему казалось, значит, был пустой дом. На самом деле, в этом пустом доме оказались люди, и он там сидел в кустах, ожидая своего товарища, который должен был за ним последовать. План у них был очень приблизительный — как-то пробраться в португальские... владения португальцев, поскольку это было проще, и в этом направлении их вряд ли бы стали искать. А там было, вообще, так, где-то примерно 200–250 миль до португальских владений, т. е. расстояние немалое, и у них, у Черчилля не было, в общем, ничего, кроме, там, плитки шоколада и представления о том, где восток и где запад. Как-то он... очень важно,

что он обзавелся шляпой такой, бурской. И поэтому он шел, почти не скрываясь, выбрался из этого дома с садом и ушел — ушел из Претории. Потом как-то вышел на железную дорогу и вскакивал на уже тронувшиеся поезда. И прятался там среди мешков с углем, бог знает чем, и как-то добрался действительно до португальских владений и явился к британскому консулу. И это был, вообще, конечно, шок, это была сенсация, причем сенсация мировая. Сенсация мировая, и он отправился обратно, отправился обратно в расположение британских сил, и явился в собственную палатку, которая находилась примерно в 50 ярдов от того места, он пишет, где он когда-то сдался в плен. Он сдался в плен, поскольку понятно было, что его иначе вот-вот застрелят. И кстати, он философствовал в своей книжке впоследствии, что «я писал, что, наверное, не нужно относиться к нашим пленным, вот, как к тем, кто доблестно, там, сражался на поле боя, не сдаваясь в плен, что, наверное, это все-таки неверно». Но когда он оказался сам в такой ситуации, и когда они были окружены бурскими стрелками, когда их бронепоезд налетел, там, на камень, заранее положенный, когда бурские пушки, неожиданно у них оказавшиеся, по этому бронепоезду стреляли, и было понятно, что их как куропаток перестреляют, когда начали сдаваться в плен солдаты, Черчилль понял, что бывают ситуации, когда просто это сопротивление бессмысленно, их просто убьют. И, собственно говоря, никакого ущерба противнику они при этом нанести не смогут или смогут нанести самый минимальный. Его отношение к понятию, вообще, военнопленных, сильно изменилось, когда он сам побывал военнопленным, не будучи, опять-таки, формально сражающимся человеком. И вот, Черчилль вернулся туда и пишет: «Итак, после многих приключений, я вернулся домой на войну». Это он пишет, как бы... он не задумывается, видимо, над тем, о чем он пишет, но это очень характерно для него: «домой на войну». Война была для него — и тогда, и впоследствии — вот, способом самореализации.

С. Бунтман: Да.

О. Будницкий: Он не стремился к войне, но он знал, что это такое, и умел воевать, руководить войной.

С. Бунтман: Да, он знал, что во время войны он нужный человек, еще ко всему.

О. Будницкий: Да, безусловно.

С. Бунтман: Да.

О. Будницкий: И вот, посыпалась огромное количество телеграмм и писем от самых разных людей из всех стран мира Черчиллю. Один одарил его, как пишет Черчилль, поэмой, написанной в его честь, и хотел, чтобы Черчилль положил ее на музыку и опубликовал. Третий предлагал спланировать рейд на территорию Трансвааля вдоль, значит, вот той линии по которой он бежал из плена, вооружить военнопленных и захватить бургского президента. Но разные были телеграммы. Некоторые были такие. Лондон: «Лучшие друзья здесь надеются, что вы больше не будете строить из себя осла». Это Черчилль тоже опубликовал. Неудивительно, что когда Черчилль баллотировался в палату общин... ну, не с первого, правда, раза, но он был туда избран, и стал парламентарием в возрасте 26 лет. Покинул он палату в возрасте 89 лет. И первая же его речь в парламенте прославила Черчилль — это 18 февраля 1901 года. Он баллотировался от консерваторов. Это была и семейная традиция, и его, в общем, умонастроения и политические воззрения. И вот, он произнес свою первую речь в палате общин о послевоенном урегулировании в Южной Африке. Он призвал проявить милосердие к побежденным бурам, цитирую: «Помочь им смириться с поражением». И особенно поразило и его товарищей парламентариев — некоторые из них, правда, не были товарищами, да, а были противниками — и публику...

С. Бунтман: Коллег, скажем.

О. Будницкий: Публику — вот такая фраза: «Будь я буром, надеюсь, что я сражался бы на поле брани». И эта фраза впоследствии использовалась многократно разными политиками, перефразировалась, переделалась, но это вот то, что сказал Черчилль в своей первой речи. Вообще, как оратор он был, конечно, совершенно блестящим, а его отдельные выражения, и на политические темы, и не на политические, они широко распространены и впоследствии вошли в обиход, и наш в том числе. Ну, например, «схватка бульдогов под ковром».

С. Бунтман: Ну да, это...

О. Будницкий: Это Черчилль.

С. Бунтман: Это любимая, да.

О. Будницкий: Да. «Большевики сами создали себе трудности, которые успешно преодолевают». Это тоже Черчилль, да. Вот такой любопытный, меньше известный его афоризм — «лучший аргумент против демократии — пятиминутная беседа со средним

избирателем». (смеются) Его же — то, что всем известно — «Демократия — наихудшая форма правления. Если не считать всех остальных». (смеются)

С. Бунтман: Да.

О. Будницкий: Которую пытаюсь время от времени... Ну, не могу не процитировать еще один афоризм: «Политик должен уметь предсказать, что произойдет завтра, через неделю, через месяц, через год. А потом объяснить, почему этого не произошло». (смеются) Вот, или... ну, это уже совсем о нас: «Там, где существует десять тысяч предписаний, не может быть никакого уважения к законам». Ну, и т. д. И вот, пожалуй, о человечестве вообще: «Я люблю свиней. Собаки смотрят на нас снизу вверх...»

С. Бунтман: А, это гениальная вещь.

О. Будницкий: «...Кошки смотрят на нас сверху вниз. Свиньи смотрят на нас как на равных».

С. Бунтман: Да, да.

О. Будницкий: Ну, и т. д. Ну, вернемся к его политической карьере, потому что если начать обсуждать, вот, ораторское мастерство Черчилля, что мы, наверное, тоже сделаем, и анализировать его произведения, то это просто можно не вернуться никогда к биографии и политике. Поскольку очень часто хочется просто пересказывать и цитировать. Так вот, Черчилль избрал тактику такую же, какую избрал в свое время его отец: он критиковал свою собственную партию. На критике партии можно было получить какую-то высокую позицию. Чтобы заткнуть рот этому критикану, когда он станет одним из нас, одним из министров. Но все-таки с консерваторами и Черчилля наметились серьезные разногласия, и в том числе серьезного плана, а не чисто карьерного — по вопросу о свободе торговли. И кончилось тем, что он перешел в партию либералов. Нечастый случай был в английской политической жизни, а еще более редкий случай, что 20 лет спустя он вернулся в партию консерваторов.

С. Бунтман: Он вернулся, да, да.

О. Будницкий: Это, вот, феномен Черчилля, и при этом он, в общем, умудрился не потерять своих позиций в политике. И очень быстро Черчилль стал министром. Он сначала был зам министра колоний, потом он занимал самые разные министерские посты — и министра внутренних дел, и министра финансов, и министра торговли, и был первым лордом адмиралтейства. Надо сказать, что Черчилль сделал очень много для перевооружения

английского флота и английской армии. Он принимал участие и в разработке танка, скажем так — не как технический специалист, понятно, а как человек, который этот вопрос курировал — и в переходе английского флота на новый вид топлива — от угля к нефти, и, вот, он принимал участие в создании военно-морской авиации, и очень быстро оценил значение авиации. Т.е. этот человек из древнего консервативного рода очень здорово понимал, что такое технический прогресс. У него всегда были консультанты из достаточно серьезных профессоров Оксфордского и не только...

С. Бунтман: Ну, это флагман модернизации, в принципе.

О. Будницкий: Да, да, да, безусловно.

С. Бунтман: Все время. И между войнами он будет...

О. Будницкий: Безусловно.

С. Бунтман: Да.

О. Будницкий: Ну, между войнами — это отдельный разговор, да.

С. Бунтман: Это отдельная прекрасная история, да.

О. Будницкий: Так, и Черчилль был фигурой очень заметной на английской политической сцене. Ему сопутствовали и успехи, и неудачи. Несомненно, крупнейшей неудачей была Дарданелльская операция. Когда во время Первой мировой войны по его инициативе состоялась высадка десанта в Дарданеллах, и это закончилось кровавым тяжелым поражением британских войск...

С. Бунтман: Он это много вспоминал, да.

О. Будницкий: ...Да, есть фильм на эту тему, не один. И Черчилль ушел в отставку. И что делает в этой ситуации Черчилль? Отправляется на фронт. На фронт, во Францию, где он в чине майора командовал батальоном. Это продолжалось четыре месяца, и его опять...

С. Бунтман: Это немало для Первой мировой войны, четыре месяца.

О. Будницкий: Конечно. Конечно. Ну, все-таки, знаете, это не Вторая мировая. Война все-таки была окопная, и война была позиционная, но это немало, конечно. Я напому, что английская армия в несколько раз больше потеряла убитыми и умершими от ран в Первую мировую, чем во Вторую мировую войну.

С. Бунтман: Да, не говоря, кстати, про французскую, из-за чего Черчилль, когда будет анализировать позицию Франции по отношению к Германии в 30-х годах, он будет все время вспоминать эти чудовищные потери...

О. Будницкий: Конечно.

С. Бунтман:...французов тоже.

О. Будницкий: Конечно. Т.е. они были обескровлены в Первой мировой войне.

С. Бунтман: Абсолютно, это целое поколение вымерло там.

О. Будницкий: В значительной степени этим объясняется их поражение во Вторую.

С. Бунтман: И нежелание биться до конца.

О. Будницкий: Да. Да. Так или иначе, Черчилля вернули, он опять-таки, занимал различные министерские посты, и Черчилль был одним из самых главных сторонников борьбы против большевиков. Вот я все-таки процитирую его — вот из той книжки, кстати говоря, которую сегодня получит счастливый обладатель, да, кто ответил на вопрос...

С. Бунтман: Да.

О. Будницкий: «Мировой кризис» — это одна из частей этой книги. «Россия упала на полдороги. И во время этого падения совершенно изменила свой облик. Вместо старого союзника перед нами встал призрак, непохожий ни на что, существовавшее до сих пор на земле. Мы увидели государство без науки, армию без отечества, религию без бога. Правительство, возымевшее претензии представлять в своем лице новую Россию, было рождено революцией и питалось террором». Ну, и т. д. Черчилль ненавидел лично Ленина, и он считал, что выход большевиков из войны — что привело к тому, что германские войска с востока двинулись на запад; война продолжалась еще год, и это стоило сотен тысяч жизней — он назвал выход России из войны «актом убийства». И выступая на одном из митингов, говорил, что гибель каждого английского и французского солдата, убитого в прошлом году, дело рук Ленина — результат не имеющего параллелей в мировой истории предательства по отношению к союзникам. И писал Черчилль, на этом «погибли империя Петра Великого и либеральная Россия, о которой так долго мечтали и думали только что созданное Учредительное собрание. Вместе с царскими министрами канули во тьму крошечные либеральные и радикальные политики-реформаторы. Верховный большевистский комитет — это нечеловеческая или сверхчеловеческая организация — как вам угодно — это сообщество крокодилов, обладавших образцовыми интеллектами, взял власть 8 ноября».

С. Бунтман: (смеется)

О. Будницкий: Черчилль и не предполагал, что с одним из этих «крокодилов» ему... причем с самым свирепым, пожравшим всех остальных, ему придется общаться и, так сказать, уделять ему столь много внимания. Я имею в виду, конечно, Сталина.

С. Бунтман: Да.

О. Будницкий: И неудивительно, что исходя из этих соображений, из этих позиций, Черчилль настаивал на оказании всяческой помощи тем, кто боролся против большевиков, и говорил: «Не думайте, что мы сражаемся за противников большевиков. Они сражаются за нас». Поэтому по его инициативе в таких колоссальных масштабах по тем временам была оказана помощь белым армиям — в колоссальных, но не в достаточных.

С. Бунтман: Да, там нужно было еще что-то, и еще много, и еще много материального.

О. Будницкий: И еще много чего, да.

С. Бунтман: Да.

О. Будницкий: Еще много чего...

С. Бунтман: О чем мы говорили.

О. Будницкий: Но во всяком случае, Деникину и прежде всего, по инициативе Черчилля, было отправлено не менее 250 тысяч винтовок, 200 орудий, 30 танков, громадное количество боеприпасов, а общие затраты Англии на поддержку белых составили около 100 миллионов фунтов стерлингов.

С. Бунтман: Мы продолжим в следующую субботу, мы продолжим наш разговор о Уинстоне Черчилле. Олег Будницкий, программа «Не так!», совместная с журналом «Знание — сила».

